

IV

Г. ГЕННАДИ, ИСПРАВЛЯЮЩИЙ ПУШКИНА

(Письмо из провинции)

Милостивые государи, издатели «Свистка»!

Будучи со времен детства и до лет, ныне преклонных, глубоким читателем поэзии и преимущественно нашего родного русского слова (не того, которое издается его сиятельством графом Григорием Александровичем Кушелевым–Безбородко⁹⁷, а вообще), я не смущаюсь толками о значении Пушкина, которыми занимались в последнее время в наших журналах разные критики, как-то: гг. Дудышкин, Де–Пуле, Аполлон Григорьев, Милюков и другие⁹⁸, — не смущаюсь и продолжаю читать произведения Пушкина и наслаждаться ими. В свое время было у меня издание на толстой серой бумаге, которым подарила русскую публику компания друзей покойного поэта. Когда даже эта толстая серая, истинно монументальная бумага износилась от

187

частого употребления мною книги, я приобрел издание «Сочинений Пушкина», вышедшее под редакциею почтенного критика и эстетика нашего П. В. Анненкова⁹⁹. Вид экземпляра этого издания, которое я почти не выпускаю из рук, стал ныне тоже весьма плачевен. На многих страницах частью слезы чувствительности моей, частью табака (который нюхаю от слабости зрения) сделали уже нечеткими некоторые драгоценные стихи и строки; многие страницы — ибо бумага слишком тонка —

истерлись и изорвались, и я подумывал уже о приобретении другого экземпляра; но меня останавливала высокая цена. Понятно поэтому, с каким удовольствием я узнал, что выходит новое дешевое издание сочинений моего любимого поэта, и притом под редакцией известного, как было, помнится, сказано в «Санктпетербургских ведомостях», *библиографа и библиофила нашего Геннади*¹⁰⁰. Человек я не ученый, а только, как уже сказано выше, поклонник поэзии, которою услаждаю свое сельское уединение, а потому и не могу судить, чем прославился известный библиограф и библиофил *наш* Геннади. Думаю, впрочем, что чем–нибудь важным, если так отзываются о нем «Санктпетербургские ведомости». Говорили мне, что главная заслуга г. Геннади заключается в том, что он издал редкое ныне описание жизни российского Картуша Ваньки Каина и сборник эротических стихотворений под заманчивым заглавием «Любовь»; но, выписав эти книги, я увидел, что в полученном мною сведении заключалась грубая ошибка. Во–первых, книги эти изданы каким–то Григорием Книжником¹⁰¹, а не г. Геннади; во–вторых, обличают они достойное толкучего рынка безобразие в эстетическом отношении. Конечно, известный библиограф и библиофил наш не мог бы поставить наряду с превосходным стихотворением Пушкина «Для берегов отчизны дальней» площадную песню «Ванька Таньку полюбил» или что–то еще хуже как это сделано в сборнике эротических стихотворений. Его у меня зачитал один забулдыга; а то я доказал бы по пунктам, что такой книги никак не мог издать известный наш библиофил и библиограф. Один приятель мой, которому я поручил приобрести для меня новое издание сочинений Пушкина, извещал меня из

**Петербурга, будто там кто–то пустил в ход такой стишок
об этом новом издании:**

**«О жертва бедная двух адовых исчадий:¹⁰²
Тебя убил Дантес и издает Геннадий».**

**Но это меня не смутило; ибо я знаю (преимущественно из
«Санктпетербургских ведомостей»), что у вас в Петербурге
множество разных литературных партий, и литераторы не
только пишут друг на друга эпиграммы, но и дерутся^{*103} Я
издание все–таки выписал. Много было для меня в нем
ново; но многого знакомого прежде я не узнал. Последнее
обстоятельство было для меня крайне грустно; но я думаю,
что отстал от современных требований науки, столь
дружно подвигаемой в наше время совокупными усилиями
русских ученых библиографов и библиофилов гг. Михаила
Семевского, Полторацкого,**

188

**Тихменева¹⁰⁴ и других. Если б не моя отсталость, я,
вероятно, встретил бы уже где–нибудь в повременных
изданиях разрешение моего недоумения. Но, по–видимому,
все находят издание известного библиографа и проч.
вполне соответствующим условиям современной науки,
ибо никто и не заикнулся, что г. Геннади исполнил задачу
свою не совсем удовлетворительно. Я, признаюсь, как
простой читатель, был крайне огорчен, что, например, в
стихотворении «Роняет лес багряный свой убор» явилось
несколько куплетов, которые совсем испортили для меня
эту пьесу, очень мною любимую. Сначала я думал, уж не
сам ли известный и проч. сочинил их; но оказалось, что он**

^{*} См. статью г. Воскобойникова: «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» в «СПб. вед.», 1860, № 261.

взял их из рукописи самого Пушкина и только вставил их в тех местах, где Пушкин их зачеркнул, разумеется как плохие и нарушающие общую стройность пьесы. Но не надо забывать, что Пушкин писал все для таких читателей, как я, которые хотят наслаждаться и потому находят неприятными разные помарки в книге. Вероятно в этом смысле он и говорил в своем известном стихотворении, что не умрет «весь». Г. Геннади, становясь теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встретит в рукописях великого поэта. Петербургский приятель мой, купивший для меня новое издание, сообщает мне вдобавок, что истинно просвещенные библиографы недовольны изданием г. Геннади. Они находят, что он недостаточно уважает деятельность великого поэта, ибо спас далеко не все из черновых тетрадей, что бы следовало спасти. Прошу вас сообщить мне, справедливо ли известие, будто готовится еще издание сочинений Пушкина, уже вполне удовлетворяющее требованиям библиографической науки, издание, как пишут мне, драгоценное для людей ученых; но которого я не куплю, ибо в нем, слышно, будут все стихотворения Пушкина напечатаны следующим образом:

Пора! трубят уже рога —
Пора, пора! уж рог трубит —
Пора, пора! рога (звучат) трубят,
Давно (чернильное пятно)
Давно — — — — —
В охотничьем псари уборе
Псари в охотнич. уб–х
Чем св. уж на к (смазано)
Борзья пр. на сворах.

(Тут капля коричневого цвета.)
И барин — — —
Выходит барин на крыльцо... и т. д.

Унылое чувство сознания старости и увядания овладевает невольно человеком, когда подумаешь, что становишься уже не способен понимать те высокие стремления, которыми одушевляются люди, занимающиеся наукой прославившей имя г. Геннади.

Недоумения, вопросы и грустные размышления о своей собственной отсталости, изложенные в этом письме, я хотел напечатать в таком журнале, где имя г. Геннади хоть раз встречалось без объяснительных слов: «наш известный библиограф и библиофил»; но таких журналов оказалось только

189

два: «Коммерческая газета» да «Свисток». Думаю, что в «Коммерческой газете» письма моего не поместят, и потому посылаю его к вам.

Григорий Сычовкин.

P. S. В письме моем оказывается ошибка. Я узнал, что г. Геннади составил указатель ученых статей «Коммерческой газеты»¹⁰⁵ за все года и был поэтому назван там «нашим известным библиографом и библиофилом...» Не составляет ли он указателя и к «Свистку»? Тогда письмо мое будет как раз кстати.

190